

К 100-летию со дня рождения д-ра Ника Александренко

7 мая 2022 г. исполняется 100 лет со дня рождения Николая Алексеевича Александренко – человека-легенды, которого в Одессе успели полюбить все, кто с ним сталкивался. История его жизни необычна. И в то же время события, которые тяжелой артиллерией проехали по его судьбе, характерны для огромного числа людей, прошедших через коллективизацию, голод, смерть близких, войну и концлагеря.

Он родился в простой сельской семье в глубинке на Брянщине, вдали от большой цивилизации. Уклад жизни его родителей не отличался от укла-

да жизни крестьян на протяжении сотен лет. Люди жили просто, работали честно и много, рожали детей в большом количестве, воспитывали их в строгости и дисциплине, философскими вопросами себя не обременяли, жизнь воспринимали такой, какой она есть, с проблемами разбирались по мере их поступления.

А потом до них добралась советская власть. С тех пор в жизни людей во-круг и в жизни самого Николая все начало корежиться. Сначала им пришлось съехать с насиженного места, потом началась принудительная коллективизация, потом голод и лише-

ния, потом болезни, потом смерти близких, потом много чего...

В школе Коля учился хорошо. У него был цепкий ум, хорошая память, способность к языкам, он любил читать. Каким-то образом без всяких методик он самостоятельно овладел техникой скорочтения и мог за 15 минут прочесть среднего размера книгу. Само собой разумеется, что такой положительный мальчик не мог не быть комсомольцем. Конечно, он им стал, и стал даже комсоргом. Конечно, он стал воинствующим атеистом. Конечно, система заявила на него свои права. Конечно, она попыталась переиначить его по своему образу и подобию. Но у Коли оказался неплохой набор качеств, который помог ему остаться самим собой и вообще по жизни его спасал не раз: отход от идеологического фанатизма, незамысловатая житейская мудрость и обыкновенная человеческая порядочность. Например, вопреки системе он понимал, что доносы – это низко, что между коммунистической партией и семьей нужно всегда выбирать семью, что выгодная карьера комсомольского активиста – это не про него.

Ему нравилось учиться и хотелось вырваться из привычного окружения. Поэтому он поступил в военное училище в Одессе. Здесь и настигла его война. В 1942 году его отправили на фронт. Сначала он воевал на Кавказе. Здесь же и получил первое ранение. После госпиталя его снова отправили воевать. Он был офицером, но по большому счету его обязанность состояла в том, чтобы с криком «За Родину! За Сталина!» первому подниматься в атаку и поднимать за собой солдат. Так продолжалось до тех пор, пока в 1943 году он не попал в плен, получив при этом второе ранение.

Так он стал военнопленным. Ему пришлось сидеть и выживать в нескольких концентрационных лагерях. Война и особенно плен заставили его начать сомневаться в постулатах советской идеологии. Одним из последних откровений для него стало осознание, что после немецких концлагерей его неизменно ждут советские концлагеря, поскольку, согласно советской военной доктрине, советский военнопленный приравнивался к предателю и изменнику Родины. Дальнейшая карьера профессионального концлагерного узника Николая не устраивала, поэтому после войны он принял решение ни за что не возвращаться в Советский Союз.

Однажды, уже после войны, осенью 1949 года он сидел в Германии в сыром бараке и чувствовал себя глубоко несчастным и одиноким: он потерял свою семью, страну, он прошел через ад лагерей, настоящее было серо и будущее туманным. Было холодно, поэтому он решил затопить печку. Но печка оказалась засоренной. Ее нужно было сперва расчистить. Вытаскивая из нее старый мусор и разную бумагу, он заметил среди макулатуры русский шрифт. Это были христианские брошюры. Он начал их читать. И здесь Бог начал разговаривать с ним так, как только Он умеет это делать.

«Когда я помолился, первый раз в жизни я вдруг ощутил настоящую радость и свободу. Свободу не физическую, а духовную. Я почувствовал, что Кто-то прикоснулся к моему сердцу и начал переделывать его заново. В тот момент я твердо решил, что узнаю о Боге всю правду.

Сейчас, после долгих лет изучения богословия, я понимаю, насколько амбициозным было мое реше-

ние. Может быть, и хорошо, что я об этом не знал. Но тогда где-то внутри меня зародилось непреодолимое желание узнать о Боге правду»^[1].

Потом Николай Александренко нашёл Библию и начал её читать, потом он начал посещать богослужения баптистской церкви, потом он начал свидетельствовать о Христе другим, потом он захотел получить библейское образование, потом он уехал в Соединённые Штаты и учился в библейском колледже, потом он преподавал и проповедовал, потом посетил Россию, причем как раз во время событий августовского путча 1991 года, ознаменовавших начало распада СССР, потом приехал в Одессу и участвовал в становлении Одесской богословской семинарии, преподавал в ней и пожертвовал ей всю свою богословскую библиотеку. Он сделал очень много для того, чтобы Одесская богословская семинария встала на ноги.

Почему мы вспоминаем и пишем о д-ре Нике? Из-за его личных качеств, и его вклада в становление Одесской богословской семинарии? Или потому, что он прошёл сложный путь – от атеиста и офицера Советской армии, до профессора богословия, дважды доктора, миссионера и преподавателя в Одесской богословской семинарии?

Здесь, в Одессе, да и везде, его знали как доктора Ника. Студенты его любили. Он был простым и понятным для всех, мог разговаривать с богословами и сторожами, умел шутить над другими и над собой.

Среди его личных качеств было одно:

^[1] Н.А. Александренко. От благодати к свободе. – Одесса, 2013. – С. 133.

он никогда ничего не усложнял. Его крестьянские корни наградили его здоровой генетикой простого и ясного отношения к жизни. Возможно, это и помогло ему справиться со всеми перипетиями, выпавшими на его долю. Однако при этом он научился зреть в корень и понимать главное.

Самым большим потрясением в его жизни была война. Она же круто изменила ход всей его жизни. Очень часто война – это не то, что мы выбираем. Это уже данность, с которой и в которой нам приходится жить. Как относиться к этой данности – уже другой вопрос. Доктор Ник никогда не был пацифистом, он воевал, и воевал добросовестно. Людями, сражавшимися с немцами на фронте, двигало ясное осознание: они борются не просто «за Родину, за Сталина», они борются против фашизма и нацизма. Это было так естественно: на их землю пришел враг, который, претендуя на свою национальную немецкую исключительность, заявляет, что имеет право решать, кого уничтожить, кого к ногтю, кого заставить жить по своим правилам. Враг считал, что в силу своего арийского превосходства и избранности имеет полномочия вторгаться на чужие территории и окончательно решать судьбу других народов и стран. Это и есть тот рафинированный нацизм, против которого поднялось полмира. Людей не надо было убеждать, что зло нацизма необходимо уничтожить – это была понятная для всех аксиома.

Предлагаем вам подборку о войне, составленную из отрывков его книги «От благодати к свободе». Ввиду особой актуальности темы войны в настоящее время, размышления доктора Ника могут быть интересными для современного читателя.

О смысле войны

◆ Кто-то может сказать, что сражаться во Второй мировой войне и при этом потерять миллионы – бессмысленно. Однако благодаря этой войне был искоренен гитлеризм и у многих людей появился шанс не быть уничтоженными.

Я пришел к выводу, что любая война по большому счету бессмысленна. Я вовсе не пацифист и никогда им не был, поскольку считаю, что люди должны бороться за свое право быть свободными, но многие освободительные войны часто на первый взгляд имели мало смысла, потому что, в конце концов, освобожденные люди задавали вопрос: освобождены для чего? (стр. 5)

После того, как меня отправили в госпиталь, мой отряд продолжал наступать и вытеснил немцев из региона. Под конец они отступали в спешном порядке, опасаясь, что могут оказаться отрезанными от своих основных сил войсками Красной Армией, которая теснила немцев со стороны Сталинграда. Впоследствии, в 1986 году, будучи в Лондоне, я посетил командный бункер Черчилля, который сохранили в том же виде, в котором он находился в последний день войны. Мое внимание привлекла большая карта Европы. На ней Черчилль и его помощники отмечали разноцветными кнопками продвижение немецких войск. Одна из крайних кнопок стояла как раз на том месте, где наш отряд вступил в свой первый бой с немцами. Это была крайняя южная точка России, куда дошли фашисты. Мы были как раз теми, кто остановил их и заставил отступить. Именно здесь Черчилль поставил свою крайнюю кнопку.

Кто знает, может быть, я тоже оказался одним из тех, кто внес свой маленький вклад в исход Второй мировой войны. В общем-то, я делал то же самое, что делал бы любой другой молодой глуповатый русский офицер в данных обстоятельствах, но мне все равно было очень приятно видеть эту кнопку на карте и знать, что мы были теми, кто помог повернуть немцев вспять. (стр. 79)

О приказе – ни шагу назад (указ №227)

◆ Диктаторы всегда ищут козлов отпущения, за счет которых можно было бы оправдать их собственные злодеяния. Сталин не был исключением. Именно он позволил немцам застать нас врасплох в начале войны. Русская армия оказалось абсолютно неподготовленной к вторжению врага, потому что он не дал приказ подготовиться. Именно это явилось причиной массовых отступлений и колоссальных потерь в начале войны. Ему было очень удобно переложить вину на «трусов и паникеров», которые, по его словам, бежали и поощряли бежать других. И, естественно, единственным способом остановить этих «трусов» были репрессии.

Летом 1942 года он издал указ под номером 227. Исходя из этого указа, отступающих должны были расстреливать как предателей. Никто ни при каких обстоятельствах не имел права отступать, разве что по приказу верховного командования. Командиры подразделений, батальонов, полков и даже дивизий не обладали полномочиями отдать приказ отступить. «Ни шагу назад!» – такой девиз был спущен сверху действующей армии.

Этот же указ № 227 гласил, что из офицеров и рядовых, виновных в невыполнении настоящего указа, будут формироваться специальные штрафные батальоны. Эти батальоны бросались на наиболее сложные и опасные участки фронта, где остаться в живых было практически невозможно. Ко всему прочему, были сформированы хорошо вооруженные заградительные отряды, которых во время боя ставили позади штрафбатов и некоторых других подразделений. Эти отряды должны были расстреливать любого, кто попытается отступить.

Я видел такой отряд только однажды, когда мы шли в наступление у Старой Руссы, как раз перед тем, как завязнуть в болоте. Мы начали наступать и тут вдруг мы увидели взвод или два солдат с парой пулеметов. Они разместили пулеметы не на передней линии, а позади нас – там, где был наш командный пункт. Получалось, что их оружие было нацелено на нас.

Я подошел к ним и спросил офицера, лейтенанта КГБ, почему они решили разместить пулеметы именно таким образом, зная, что ждать противника следует с другой стороны, и при этом мое подразделение должно будет выступать как раз под прицелом их оружия. Офицер ответил, что к нему поступило распоряжение установить пулеметы так, как он сделал, и проследить, чтобы никто не посмел в бою отступить в случае, если немцы пойдут в атаку.

Я сказал, что их присутствие совершенно необязательно и что в моем подразделении никто не собирается отступать, если только я не отдам соответствующую команду. На что лейтенант указал, что их отряд выставлен не для моего подразделения, и что они опасаются, что солдаты из некоторых других подразделений могут попятиться назад. Как

д-р Ник Александренко
(1922 – 2015)

по мне, эти отряды были абсолютно бездумным использованием людских ресурсов.

Любой глупец знал и понимал, что в определенных обстоятельствах отступление было бы умным решением. Немцы иногда сознательно прибегали к этому приему. В частности, на юге после нашего первого боя они откатились назад на 30 миль, мы их нагнали и затем, когда у Харькова мы опять подошли к ним вплотную, они опять стали отступать. Мы даже в бой с ними не вступили. Вместо этого мы довольно долго их догоняли. Когда мы их, наконец, настигли, к этому времени они укрепили свои оборонительные позиции и были готовы нас встретить во всеоружии. Их отступление было стратегическим решением, которое дало им возможность хорошо подготовиться к обороне.

После Указа № 227 русское командование никогда больше не отдавало приказ отступать. Именно поэтому мы теряли иногда целые армии – четыре или пять дивизий за раз. Их окружали и уничтожали, либо брали в плен. И все потому, что Сталин не хотел давать приказ отступить. (стр. 82)

Проведение этой операции полковник назначил капитану, что меня вполне устраивало, поскольку, мне в любом случае не хотелось брать текущую ситуацию под свой контроль. Плохо было то, что капитан никого из нас не знал: ни меня, ни других офицеров или рядовых, а те вновь прибывшие вместе с ним пятьдесят солдат состояли из семнадцатилетних ребят, набранных из освобожденных территорий. У них не было вообще никакой подготовки, не было ни оружия, ни даже обмундирования. Я спросил полковника, что же нам следует делать с этими мальчишками, на что он ответил: «Особо не волнуйся. Возьми их с собой. Некоторые из тех, у которых сегодня есть оружие, будут убиты. Их оружие отдай тем, у кого его нет». Это был приказ моего командира, поэтому я сказал «есть!»

Первые смутные предчувствия и мысли о Боге

◆ Мне кажется, в этот период у меня уже начали возникать какие-то мысли о Боге. Когда подходит к концу еще один день, а ты сидишь в окопе и пытаешься заснуть, смотришь на небо, которое время от времени рассекают летящие с двух сторон снаряды (артиллерийская стрельба не прекращалась даже ночью), много разных мыслей пронесется в голове. В перерывах между взрывами, глядя на звезды, ты думаешь: завтра я опять пойду в атаку, и, кто знает, может это будет моя последняя атака, и я погибну так же, как погибли уже многие.

Когда наступала ночная тишина и звезды зажигали небо, я смотрел вверх и думал: «Это наша вселенная. А вдруг все-таки есть что-то, что стоит над ней?» Меня иногда посещало чувство, что может быть есть нечто, что мы, люди, с нашими ограниченными возможностями, не

можем знать. У меня всегда были сомнения в правильности коммунистических постулатов, касающихся Бога или утверждений о Его несуществовании. Правда это или нет на самом деле? Видите ли, коммунисты никогда не пускались в обсуждения и дискуссии, касающиеся этой темы. Их утверждения всегда выносились в командном формате: «Бога нет и точка. На этом все разговоры закончены! В Бога больше не верить!» Конечно же, те, кто по-настоящему верил в Бога, не мог перестать в Него верить даже после такого приказа. А кое-кто из нас, кто до сих пор не верил в Него, возможно, уже начинал верить. (стр. 85)

Как только мы побежали, немцы открыли на нас огонь со всех сторон. Я прыгнул в первый попавшийся окоп. Не успел я опомниться, как немецкий танк проехался сверху по окопам, где мы сидели.

На каждом из танков сидели два или три человека. Когда они видели русского солдата – живого или мертвого – они прошивали его пулеметной очередью – чтобы быть уверенным, что он мертв. Тут я увидел большой тяжелый танк, надвигавшийся на мой окоп и засыпавший меня грязью. Немец на танке выпустил в меня очередь, которая прошла по груди, руке и ноге. Танки поползли дальше, запросто сравнивая наши позиции с землей. (стр. 88)

Освобождение из лагеря

◆ Пока я живу, никогда не забуду раннее утро 8 мая 1945 года – последний день войны в Европе. В то утро мы, заключенные, как только двери барачных отворились, как обычно собрались на тюремном дворе в ожидании переключки – как всегда, немцы должны были проверить, живы мы еще или нет, сбежал ли кто, и не случилось ли чего за ночь.

Но когда мы вышли на улицу, то сразу почувствовали, что происходит что-то необычное. Ни немецких охранников, ни караульных на пулеметных вышках, ни тех, кто с собаками ходил возле колючей проволоки у барачных, не было! Они сами от нас сбежали!

Когда мы взглянули на другую сторону лагеря, то все поняли. По направлению к нашему лагерю шагала рота американских солдат. Выкрикивая что-то по-английски, они сломали все замки и широко распахнули ворота. Было вполне очевидно, что это были американцы. Они подбегали к нам, обнимали и кричали: «Ребята, вы свободны! Вы можете идти, куда хотите, делать, что хотите, и есть, сколько хотите!» Они сразу увидели, что мы голодные до смерти, оборванные и едва стоим на ногах, и раздали нам гуманитарные пакеты.

Мы и раньше чувствовали, что от нас что-то скрывают, и догадывались, что Германия, скорее всего, проиграет войну, но полной уверенности у нас не было, и, конечно, мы не знали, когда это произойдет. Немецкие лагерные начальники, кто бы это ни был, всегда старались,

чтобы новости о том, что происходит во внешнем мире, к заключенным не проникали. Поэтому, хоть мы и допускали, что нас могут освободить, когда это случилось на самом деле, мы едва могли поверить в то, что с нами происходит. Мы были свободны и могли делать все, что хотели! (стр. 114)

Воспоминания и страх

◆ Страх перед лезущими на меня немецкими танками сохранился во мне до сих пор. Не так уж много лет назад, когда еще была жива Майя, она однажды разбудила меня среди ночи, оборвав мой ночной кошмар. Мне снились события, очень похожие на те, когда меня взяли в плен: бой с немцами, вокруг рвутся снаряды, и вдруг я вижу огромный танк, ползущий на меня, он совсем рядом, а я лежу не в окопе, а стою прямо перед ним, я пытаюсь что-то сделать, чтобы убраться с его пути, и тут меня будит Майя.

С год назад я видел похожий сон, и он был настолько реальный, что я упал с кровати. Я уже начал задумываться, не установить ли мне бортик на кровать. Для напуганного танками человека моего возраста падать на пол с кровати посреди ночи довольно опасно.

Время от времени мне снится, что меня схватили люди КГБ и отправили в лагерь в Сибирь. Возможно, это является продуктом моего мозга после всех прочтенных мною книг о ГУЛАГе, написанных Солженицыным и другими авторами, а также моих собственных размышлений, что бы со мной случилось, если бы я оказался в руках КГБ.

Мне думается, что, если бы я все-таки попал в плен к своим, я все равно нашел бы Христа и обрел настоящую истинную свободу.

Вывод – Бог освобождает, свобода во Христе

◆ Я больше всего на свете ценю свободу человека как личности. Сами по себе люди – существа социальные, им необходимо отождествлять себя с другими людьми, например, в церкви. Но когда мы будем стоять на последнем суде, хотим мы того или нет, каждый из нас будет один на один со Христом. Церковь, родственники, друзья в тот момент для вас не будут иметь никакого значения. Только Иисус и вы. Я этот принцип понял и принял. (стр. 179)

Я верю в свободного человека, живущего в свободном обществе, и что эта идея проходит через весь Новый Завет. Человек волен думать сам за себя и должен быть свободен от угнетения извне. (стр. 181)*

[*] Н. А. Александренко. От благодати к свободе. – Одесса, 2013. Читайте также воспоминания о д-ре Николае Александренко в статье Татьяны Герасимчук «Поминайте наставников ваших. Памяти Николая Александренко (1922 - 2015)», опубликованной в альманахе Богомыслие №16 (2015), с. 226-236.